

Текст этих воспоминаний о митрополите Нижегородском и Арзамасском Николае (Кутепова) принес нам в редакцию протоиерей Сергей Муратов. До этого в издательстве «Вертикаль. XXI век» вышел сборник стихов священника «Стихи и песни» (2015). Я познакомился с предложенным очерком и высказал ему полное одобрение. Когда о. Сергей задумал подготовить к изданию свою публицистическую книгу «Кому же достанется то, что ты заготовил?», то, к сожалению, эти воспоминания в неё не включил. Книга в итоге вышла под другим названием — «Предай Господу путь твой». Насколько мне известно, и в окончательный вариант книги текст так и не вошёл. Однако в редакционном портфеле эти листки сохранились. И теперь, когда отца Сергея не стало, они приобретают иное звучание.

Последний раз мы разговаривали по телефону в радостные Пасхальные дни 2020 года. Вот отрывок из главы «Сгорая в пламени свечи» моей книги «Путешествие за звёздами».

«Позвонил о. Сергей Муратов. Ему пришлось проводить Пасхальную службу в пустом храме. Приезжали сотрудники милиции, проверяли условия соблюдения объявленного карантина. Ощущения непривычные. Но сегодня, по приглашению одного из директоров завода, служил в цеху с теми, кто захотел прийти (много людей собралось), и это так вдохновило отца Сергея, «что слёзы накатывались, когда на возглас «Христос Воскресе!» под производственными сводами гремело «Воистину Воскресе!». Вот и мне он позвонил, чтобы похристосоваться и, как я понял, поделиться душевной радостью. Спасибо за это батюшке — мне его рассказ согрел сердце».

Но недолго держалась в моей душе та радость.

Скоро стало известно, что после заражения коронавирусом батюшка отошёл ко Господу.

Я попробовал в интернете уточнить, существует ли публикация воспоминаний «Голос доброго пастыря» хоть в каком-либо виде, и нашёл видеозапись презентации книги, которую священник провёл из своего домашнего кабинета. Там он сказал, что это я посоветовал собрать всё им до этого опубликованное в разных периодических изданиях под одну обложку, со словами: «Жалко, если всё пропадёт».

Теперь мы знаем — собранное в книге останется сохранённым, как и тот текст, что когда-то был передан автором в редакцию журнала «Вертикаль. XXI век».

В. Сдобняков

ГОЛОС ДОБРОГО ПАСТЫРЯ Вспоминая митрополита Николая (Кутепова)

Мемуаров никогда не писал, и, надо полагать, что и приступать-то рано, хотя уже есть на что оглянуться. Однако, в сознании всплывает образ жены Лота: оглядываясь на прошлое, можно превратиться в соляной столп. Как же мне про Владыку-то рассказать? Владыку Николая, Митрополита Нижегородского и Арзамасского.

Начну, пожалуй, с ощущения. Чем дальше я сижу над чистым листом бумаги, предаваясь воспоминаниям о митрополите Николае, тем яснее осознаю, что Владыка – не есть прошлое! Ведь его пусть и краткие, но впечатляющие уроки существуют не только в памяти, а ежедневно служат опорой в моей жизни...

* * *

На первую встречу с митрополитом я был приглашён, будучи преподавателем музыкального училища, светским человеком, но уже «ходящим в церковь». Предметом нашей беседы было предложение принять сан священника. Ходатайствовал об этом наш приходской батюшка о. Николай. Он же и сопровождал меня на приём к архиерею.

Проведя краткий инструктаж о том, как подойти к Владыке под благословение, как совершить перед этим земной поклон, он оставил меня сидеть на стуле в коридоре, а сам принялся беседовать с присутствующими в приёмной немногочисленными сослуживцами.

Я сейчас совершенно не помню, о чём я думал в эти минуты, которые медленно перетекали в часы. Ожидающих аудиенции было немного, но, видимо, разговоры в кабинете шли обстоятельные. Иногда кто-то заходил без очереди, но меня это мало занимало. Ленивое любопытство провоцировало прислушиваться к тому, с какими словами посетители выходили из кабинета архиерея. Но скоро и это перестало привлекать моё внимание. Спустя некоторое время секретарь, Валентина Ивановна – доброжелательно расположенная женщина, пригласила нас пройти к владыке. Батюшка, сопровождавший меня, что-то произнёс на выдохе и осенил себя крестным знамением. Сделав мне несколько приглашающих взмахов, какими обычно смахивают крошки со стола, он взялся за ручку двери и потянул её на себя...

Я таких кабинетов не видывал, хотя приходилось бывать в разных. Вся обстановка погружала во времена, которые принято называть прошлым. Массивный письменный стол с классическим зелёным сукном; резные стулья; застеклённые шкафы со шторками внутри, наполненные книгами; образа в больших, от пола до потолка, киотах с позолоченным «виноградом» – всё дышало веком прошлым.

Священник пал на колени, а я замешкался. Архиерей к этому моменту встал и, выйдя из-за своего массивного письменного стола, направился к нам навстречу. Мне стало как-то неловко от этого непривычного зрелища: павший ниц священник и я, стоящий во весь рост и всё ещё не решающийся сделать то же самое. Между тем владыка сделал взмах рукой и тем самым высвободил её из невероятно широкого, как мне бросилось в глаза, рукава рясы. Из-под него показался белый рукав подрясника и широкая, объёмная ладонь, напомнившая мне ладонь моего отца. Батюшка ловко поднялся под благословляющую десницу – и уступил место мне. Бухнувшись на пол лбом, я судорожно вспоминал, что же должен сказать, когда встану с колен, и должен ли? Все наставления священника вылетели у меня из головы, и я, пробормотав что-то невнятное, коснулся губами руки архиерея. Приложившись, я действительно нашёл некое сходство с отцовской рукой, которую очень хорошо помнил. Отец часто клал её мне на голову или на плечо, когда говорил что-то «внушающее», но вот целовать её мне никогда и в мыслях не было...

Повернувшись немного сутулой спиной, Владыка Николай снова сел за свой широченный письменный стол. Передо мной сидел Дед Мороз. Конечно, и одежда – чёрная ряса с выглядывающими белыми рукавами подрясника, и головной убор – остроконечная шапочка, скуфья, были далеки от образа Новогоднего старца, но лицо... Умное, внимательное лицо с доброй улыбкой, седой бородой и глазами... Глаза, которые выделялись сквозь толстые стёкла очков, были направлены на меня не с испытывающим взглядом: кто тут к нам пожаловал? – а с искренним, неподдельным интересом: как это вы тут оказались, милейший?

Я уже был готов, что сейчас последуют какие-то вопросы ко мне, но Владыка Николай повернулся к сопровождающему меня священнику, и стал его о чём-то спрашивать, интересоваться делами на приходе и что-то ещё... Я сидел, не зная, как себя вести – демонстрировать своё участие в их беседе, какой-то осанкой, или позой, или потупив взор, так же демонстрировать свою непричастность к происходящему. Выбрав среднее – сосредоточение внимания на зелёном сукне и глядя, как бы сквозь него, я просто сидел, внутренне тряся и слушал, о чём они говорят. Но, видимо, внимание моё было рассеяно и подавлено непривычной ситуацией, потому что как-то неожиданно прозвучали слова отца Николая.

– Вот, Владыка, я вам представляю нашего прихожанина Сергея Муратова, – священник кашлянул, поправил наперсный крест, запахнул рясу на коленях и откинулся на спинку стула с видом – я своё дело сделал, теперь сам. Он произнёс моё имя с непривычным для меня ударением на первую гласную – Сергей, и я приготовился к тому, что митрополит Николай будет называть меня так же. Но, к своему удивлению, я услышал:

– Сергей Дмитриевич, а фамилия-то у вас поповская.

И привычное «Сергей Дмитриевич», и совершенно не обидно прозвучавшее «поповская», и поворот головы в мою сторону, через наклон и опору грудью на замечательный письменный стол – вся его поза и интонации голоса как бы говорили: «Я хочу знать, кто ты такой». Всё сработало так, что я перестал трястись и спокойно заговорил в ответ:

– В нашем роду был священник. Мой дедушка, Муратов Василий Никифорович. Он был репрессирован в 37-м.

– Ну, а вы?

Я посмотрел на него вопрошающе.

– Вы готовы стать священником? – добавил он.

Вот тебе раз! Я приготовился к «допросу с пристрастием», а тут... Вопрос в лоб, и я не знал, как ответить. Хотелось – как можно честнее, без пафоса. Две-три секунды моего замешательства, которые выглядели (так мне хотелось) просто молчанием, и я произнёс:

– В принципе, да...

– Скажите, Сергей Дмитриевич, а вы службу знаете?

– Знаю, – не задумываясь, выпалил я.

– Вот как! – тут уже Владыка откинулся на спинку кресла, убрав локти со стола и положив руки ладонями вниз на его край.

– Я не знаю, а он знает, – рассмеялся Владыка и прихлопнул по столу обеими ладонями.

Почувствовав, как моё лицо залилось краской стыда, у меня в памяти стали прокручиваться фрагменты богослужений, которые я действительно знал: отверзаются Царские врата, каждение, дьякон: «Восстаните», мы: «Благослови», священник: «Слава Святей...» ну и так далее. Я по благословению настоятеля вы зубрил, что за чем идёт; сам читал Шестопсалмие и Апостола; знал на память многие мелодии песнопений; научился по церковно-славянски... а тут – такая ирония со стороны архиерея.

– Владыка Святой... – вырвалось у меня непроизвольно: мне было непривычно и не понятно, почему так говорили – «Святой», но я обратил внимание на то, как в коридоре употребляли это обращение некоторые священники, пересказывая друг другу содержание визитов к епархиальному начальству.

– Владыка Святой, я ведь имею в виду, что знаю то, что мы на клиросе поём... – это была попытка оправдаться за, как я понял, сказанную глупость.

– Сергей Дмитриевич, – перебил меня Владыка, – Богослужение в Церкви каждый день отличается одно от другого, и знать всё мало кому удаётся. Поэтому, когда вам что-нибудь станет непонятно, не стесняйтесь показаться дураком и спрашивайте.

– Хорошо, – промямлил я в ответ, пытаясь представить себе нечто подобное: я – дурак, и признаюсь в этом.

Тут он протянул руку к моим бумагам, которые я принёс с собой. Это была автобиография, две фотографии девять на двенадцать, и, зачем-то припасённый, послужной список моего деда-священника, составленный по воспоминаниям его детей – моих дядьёв и тёток. Да и не послужной список в буквальном смысле, а так... основные вехи жизни и места, города и сёла, в которых служил дед Василий. Мой родной отец, умерший в 74-м, почти ничего о нём не рассказывал: время было не то. Внимательно всё прочитав, митрополит Николай поинтересовался, не обращались ли мы, дети и внуки, в «органы» с ходатайством о его реабилитации. На что я утвердительно ответил:

– Реабилитировали в 90-м, как говорится, за отсутствием состава преступления. Нам прислали документы по запросу родственников, и дядья даже получили какие-то льготы от властей.

Я сейчас не помню, спрашивал ли Владыка о том, как отнеслись к моему решению домочадцы. Наверное, спрашивал... И я, наверное, ответил: «С пониманием», утаив о бессонных ночах, проплаканных моей женой: «Куда?! Кто ты есть?.. Ты понимаешь, какая ответственность ляжет не только на тебя, но и на меня, и на детей?.. Я выходила замуж не за священника, а за музыканта...»

Теперь ясно, почему не было никаких предварительных беседований: Владыка просто хотел увидеть, насколько я безрассуден. Отчётливо уяснив, что я не до конца осознаю, «куда лезу», он посоветовал мне завершить свои дела на работе и добавил:

– Ждите, мы вас вызовем.

Уже позднее, на одном из приёмов, где мне доводилось присутствовать, в разговоре о качестве новых священников Владыка посетовал:

– Да я уж разве только медведей не рукополагаю. Нам бы места сейчас застолбить.

Открывались приходы, и нужны были кадры. Время было такое – 91-й год...

Сказав ещё несколько слов настоятелю нашего прихода, митрополит Николай снова встал из-за своего широкого, с бумагами «на подпись», письменного стола, придерживаясь за него, и опять направился к нам. Благословив каждого в том же порядке, он не провожал нас до двери, а стоял, пока мы не покинули его «дореволюционный» кабинет.

– Кто так Владыке отвечает?! – накинулся на меня настоятель, как только мы вышли из приёмной.

– А в чём дело? Я действительно думал, что речь идёт о моём уровне подготовки, который вы мне назначили, батюшка. Я готовился, как на экзамен: что идёт после «Свете Тихий...»? – Ектенья просительная...

– Я не об этом.

– А о чём?

– Когда митрополит спросил, готов ли ты, что ты сказал?

– Утвердительно ответил.

– Нет. Ты сказал: «В принципе, да».

– Ну. А что не так?

– Владыка не любит, когда – «в принципе»!

– И что? – недоумевал я.

– Надо было просто сказать: да.

Я попытался объяснить, что-то бормоча о словах-паразитах, но до моего сознания уже доходило, что на такой вопрос, какой мне задал архиерей прямо в лоб, надо отвечать именно так: да, – и без всяких там «в принципе». Если готов...

* * *

Прошло много лет. Я уже был настоятелем одного из епархиальных приходов, и у меня возникли некоторые проблемы со старостой. Они, старосты, тогда имели особый удельный вес. Ситуация побудила меня

обратиться за помощью к Владыке Николаю. Решиться на этот визит к архиерею мне помог один из первых уроков, которые я получил от него. Помня о том, что «если что-то не понимаешь, не стесняйся показаться дураком и спроси», я позвонил Владыке и попросил об аудиенции. Телефонный разговор был кратким. По тону голоса было понятно, что митрополит Николай знает все нюансы моих проблем со старостой. Его одобрительно-понимающее «конечно, конечно, отец Сергей» в ответ на моё «не по телефону» вселили в меня спокойствие относительно решения вопроса об «урегулировании сторон».

В назначенный день, я приехал в епархию, в приёмной доложил о явке и сел дожидаться своей очереди. Всё было, как обычно. Выходили-заходили священники, или по одному, или с группами мирян по нескольку человек. Уже совершенно безразлично было, о чём они говорили, покидая кабинет архиерея, своих забот хватало. Как-то стало скучно, и я достал из сумки диковинную на тот момент для меня вещь – диктофон. Мне его подарил некто из прихожан с пожеланием, чтобы я записывал свои проповеди, но на тот момент для меня это было не актуально, и я использовал диктофон, как простой плеер. Ставил кассету с записями песнопений и слушал в дороге. Тогда много приходилось ходить пешком и ездить на дальние расстояния на электричках и автобусах. Достав похожую на мыльницу звукозаписывающую технику, я стал включать-выключать её, разглядывая сквозь пластмассовое стёклышко, как крутятся шестерёнки, на которые насаживалась кассета. Проверил, как работает техника в режиме «запись», включив одновременно две кнопки – красную и воспроизведение. Красная отвечала за осуществление записи, но это было возможно только при совместном нажатии с кнопкой «пуск». Видимо, я так увлёкся, что для меня неожиданно и резко прозвучал громкий голос секретаря: «Отец Сергей Муратов, заходите к Владыке». Вскинув голову, я резко встал, судорожно сунул диктофон в карман подрясника, поначалу запутавшись в полах рясы (всё это происходило на ходу, на пути в кабинет), и, уже привычно, переступив порог кабинета, пал ниц перед выходящим ко мне из-за стола Владыкой Николаем.

Мне не пришлось долго рассказывать, потому что ситуация на приходе сложилась хрестоматийная: священник не хочет быть просто наёмником, а старосту это не устраивает, так как ей кажется, что власть ускользает из рук. Развитие событий в таких случаях протекает по сценарию, соответствующему местным специфическим условиям. И, говоря о том, что хочу избежать нарастания конфликта, я честно признался:

– Владыка, я не знаю, как вести себя. Как поступить, чтобы не навредить приходу?

Митрополит не стал скрывать, что у него уже есть пачка жалоб на меня, в которых рисуется своё видение проблемы противоположной стороной. Но он, зная меня, ждал, что я «проявлюсь» за советом, так как и назначал-то меня туда с целью оживить приход, который подрастерял прихожан из-за открывшихся, на тот момент, в округе новых храмов. Обсудив сложившуюся ситуацию и вникнув в «мои соображения», владыка дал мне несколько практических советов по ведению дел. При этом посетовал, что я не живу на приходе, а только приезжаю «по графику».

И тут я впервые заговорил с ним о том, что меня уже долгое время тревожило, казалось странным: в городе, где я живу, служат приезжие священники, а я езжу по далёким приходам.

– Сын мой, ты думаешь, что мне трудно перевести тебя в родной город? Это дело трёх секунд – указ подписать.

Перейдя на «ты» (это для меня было знаком того, что сейчас надо быть предельно внимательным), Владыка Николай как бы давал понять, что сейчас он говорит не как начальствующий архиерей, а как заботливый отец.

– Сколько ты прожил в родном городе до хиротонии?

– Сорок пять лет, Владыка, за минусом северных – семь лет, как вы знаете, я работал на Крайнем Севере.

– Так вот, дорогой мой, ты там для всех ещё Сергей Дмитриевич – музыкант и человек, с которым кто водку пил, кто рыбу ловил. Придёт время, глазом моргнуть не успеешь, как переведу. А пока я потру тебя, да ещё с песочком. Ты мне нужен там. В городе всё проще, а на приходах порой, сам знаешь... Ты и сказать убедительно можешь, и спеть, а при случае, и сплясать, – хитро улыбнулся он, показывая тем самым, что помнит о моих склонностях к браваде.

Сам не понимаю, как я дерзнул заговорить о переводе, ведь для меня было принципиально важным не затевать подобных разговоров: куда назначают, туда и поезжай, как в армии, не обсуждая приказ. Но тут, видимо, интуитивное предчувствие, что если я сейчас не спрошу, то уже не спрошу никогда, побудило нарушить этот принцип. И Владыка без претензий на мою дерзость коротко и ясно объяснил мне смысл такого карантина. Это была попытка провести меня через, своего рода, египетскую пустыню, чтобы та легкомысленность, с которой я отправился в путешествие за спасением души своей, сев на корабль Церкви в житейском море, переплавилась в рассудительность, оснащённую личным опытом и опорой на духовные сокровища Матери Церкви.

Разговор окончили, стали прощаться.

– Ну, трудись, трудись, Бог благословит, – Владыка положил свою руку в мои сложенные ладони. Я уже привычным, едва касательным движением прикоснулся к ней губами и на мгновение ткнулся в его седую бороду – братское лобзание... Всё, как обычно.

Ни он, ни я не знали, что эта встреча у нас – последняя.

Из кабинета я вышел слегка вспотевший. Достал из кармана диктофон, о котором совершенно забыл, и вспомнил, лишь благодаря тому, что при ходьбе он бил меня по ноге. По расположению плёнки в кассете я понял, что техника работала всё время, пока я находился в кабинете.

Отмотав назад плёнку, я включил его и прижал динамик к уху...

Почему я включил и сунул в карман своей рясы этот портативный диктофон? Ведь это была обычная, рядовая встреча. Отличало её от остальных, которые можно по пальцам пересчитать, то, что она была назначена по моей просьбе.

Я прислушался – шум движка диктофона... Время от времени шуршание рясы и голоса: мой, более отчётливый, и его, Владыки Николая, – слов не разобрать, но голос... Голос доброго пастыря...